

мого народовластия.³⁷ В «Разговорах мертвых» Гостомысл говорит Ярославу I: «Не считал ли ты их (новгородцев, — И. Ф.) достойными вольности прежде, нежели ум их мог ею пользоваться? Не дал ли ты им своеволия вместо вольности. Вольность без законов существовать не может. Я был свидетелем всех бедствий безначалия. Каждый отделял благополучие свое от общего блага. Каждый хотел быть счастливым один и со вредом для других. Взаимные обязательства гражданина не были установлены. Ужасное право сильного губило всех поочередно» (I, 249—250). Муравьев не отрицал, что установление единовластия имело благие последствия для России, но именно потому, что новгородцы, как князья, так и народ, еще не созрели для добродетельной республиканской жизни. Здесь несомненно также влияние Монтескье, который утверждал, что истинная вольность состоит в добровольном подчинении законам общества. В противном случае в обществе, по мысли Монтескье, царит «право силы» и личность эгоистически противопоставляет свои интересы интересам общества.

Излагая дальнейшие события русской истории, Муравьев неоднократно возвращался к проблеме эгоизма правящей верхушки. Губительные следствия феодальной раздробленности он прямо описывал как результат эгоизма князей: «Князья, которых лучшее звание состоит в том, чтоб устроить благополучие государства, губили оное междуусобиями. Были из них недостойные имени князя и человека (ибо великая порода не защищает от пороков сердца); были такие, которые оскорбляли неистовствами священные права природы и которых история предаст омерзению потомства. Удельные князья требовали равной власти и устремлялись к независимости» (II, 23).

Эти причины, по мысли Муравьева, привели к тому, что как раз тогда, когда «в Европе редела тьма невежества от первых лучей просвещения, Россия погрузилась в величайшее несчастье, которое народу приключиться может: в порабощение варваров» (II, 19). Высокий культурный уровень, просвещение оказались недостаточной гарантией для преуспевания, и менее развитый народ оказался более жизнеспособным. Именно с этого момента, по мысли Муравьева, окончательно разошлись пути Европы и России.

Но, последовательно проводя прием сопоставления событий русской и мировой истории, Муравьев подчеркивает и различие: «Сие несчастье, постигшее народ российский в первой его юности, не истребило в нем совершенно внутренней силы, как то случилось при подобном порабощении Рима и Греции северными варварами» (II, 36).

Интересно, что Муравьев отметил и факт обратного влияния менее развитого народа на более развитый. Он пишет о монголо-татарах: «Без сомнения, обращение с татарами имело влияние на характер народа. Присвоение восточных обыкновений изменило

³⁷ Там же, с. 285, 291.